

РОДНЫЕ НАПЕВЫ

ОН ШЕЛ по заводскому двору неторопливой, чуть усталой походкой старого цехового мастера, задумчиво поглядывая по сторонам.

И лицо его было таким, словно он хотел улыбнуться, но что-то сдерживало эту улыбку. И этим что-то, возможно, была память юности.

Около сорока лет назад заводской парень Николай Будашкин, активный участник художественной самодеятельности клуба «Красный Октябрь», по решению партийной и профсоюзной организаций был направлен в Москву учиться на музыкальный рабфак.

Вернулся он назад в 1954 году уже известным композитором и вместе с Государственным русским оркестром имени Н. П. Осипова дал авторский концерт в клубе родного завода. Это был своеобразный экзамен перед земляками. Экзамен за доверие и надежду. Будашкин счастливо выдержал его.

И вот спустя двадцать два года Николай Павлович снова ступил на забайкальскую землю уже в звании народного артиста РСФСР, лауреата Государственных премий, профессора Московского государственного института культуры.

...В обеденный перерыв красный уголок вагонного цеха заполнился до отказа. Люди пришли сюда из-за станков, в спецовках и рабочих халатах. Вытягивая шеи, заглядывали в передний ряд: «Где там наш профессор». А он сидел такой простой, домашний, с явно выраженной неловкостью, что оказался объектом всеобщего внимания.

Н. Будашкин встал и слегка поклонился присутствующим.

— Здравствуйте, дорогие мои соратники. Я все эти годы был в ваших рядах. Всегда помнил о заводе, где началась моя сознательная жизнь, — голос у Николая Павловича с хрипотцой, тихий и задумчивый. И все примолкли, и забыли о звонких титулах своего именитого земляка и уже с пристрастным вниманием рассказали, как заводской парнишка, окончив семилетку, три года учился в фабрично-заводском училище, как работал кузнцом, как бегал вечерами в клуб и там играл в самодеятельном оркестре на балалайке и домре, как поехал учиться на музыкальный рабфак в Москву, где и остался навсегда.

Московская консерватория. Работа. Первые творческие шаги. Надежды. Поиски.

Встреча с замечательным музыкантом, художественным руководителем и главным дирижером Государственного русского оркестра Николаем Петровичем Осиповым, которая произошла в конце Великой Отечественной войны, окончательно определила судьбу молодого композитора. Будашкин стал его заместителем по репертуару. Стал создавать произведения специально для оркестра русских народных инструментов.

— Я затерялся далеко от вас, — улыбнулся Николай Павлович. — Что же делать, если музыка оказалась сильнее моих прежних устремлений? Это очень важное искусство.

«Из наслаждений жизни, — говорил наш великий Пушкин, — одной любви музыка уступает. Но и любовь — мелодия». Наш народ всегда дружил с музыкой. Не мог и не может жить без нее. Это я отметил и в Чите, на валяем... на моем родном заводе. Музыку любили здесь и в пору моей юности, любят и сейчас. И еще я заметил, что не изменился на ПВРЗ тот гордый, создательский рабочий дух. Настоящий, как в революцию.

Он говорил почти без жестов, чуть-чуть пошевеливая пальцами, словно пробуя слова на ощупь. В таких случаях нелегки и язык речей, и язык музыки. Вечером на авторском концерте в рабочем клубе ПВРЗ перед тем, как сесть за пианино, чтобы проаккомпанировать певице Любови Лазаревой свою песню «За дальнею околицей», он покажет присутствующим руки и с улыбкой скажет: «Вы меня простите, если буду играть не так, как надо. Годы ушли. Да и не забывайте, я ведь из кузнечного цеха».

Будашкину аллодировали долго и горячо. Он внимательно вглядывался в лица окружающих его людей, искал знакомых. Но... «время, время. Вот кажется только на Балтике был, войну переживал... а уж тридцать лет протекло. Не обещайте, что так редко бываю. Такие жизненные скорости».

Вдруг к столу вышел человек. Глаза озорные, веселые, кого-то напомнили, высветили из прошлого.

— Здравствуй, Коля, узнаешь?

— Хвощевский?

— Я.

Друзья обнялись, крепко-крепко расцеловались.

— Это хорошо, Коля, — растроганно сказал Сергей Кириллович, — что ты не забываешь нас. Хотя иногда приезжаешь. Я часто говорю всем, что наш ПВРЗ — знаменитый завод. Он дал стране четырех Героев Советского Союза, а сколько врачей, учителей, инженеров... Хорошо, чтобы все помнили завод, чтоб не забывали. Вот и тебе, Коля, на память подарок — наш рабочий инструмент.

Николай Павлович протянул напряженную руку, готовый прижать какую-нибудь обычный тяжеловатый слесарный набор (подарок Хвощевский держал за спиной), и снова заулыбался, ощутив в ладони легкую, упругую «шейку» русской балалайки...

А на сцене уже давно ждал своей минуты оркестр русских народных инструментов

Читинского музыкального училища.

— «Русская фантазия» Николая Будашкина!

Дирижер, заслуженный работник культуры РСФСР Эдвард Макаровский, поднял палочку. И...

Он сидел и грустно покачивал головой в такт мелодии. О чем он думал? Может быть, о том, что приослабло в последние годы у молодежи внимание к русской инструментальной музыке. Электронная техника полонила сцены клубов и дворцов культуры. Электромузыкальный грохот заполнил эстрадные площадки, кафе и рестораны. Это так всем доступно, это так шокирующе просто. А вот домра, да балалайка, да баян, словом, оркестр, традиции народа... Вот они — ребята, молодые энтузиасты. Сколько их сейчас в области? Ведь не зря же он приглашен на смотр-конкурс. Может быть, Чита, Забайкалье станут пионерами в создании массовых оркестров и ансамблей русских народных инструментов. Массовых!

На другой день Николай Павлович, почетный член жюри, открывая областной смотр-конкурс оркестров и ансамблей русских народных инструментов детских музыкальных школ, скажет:

— Я давно не был здесь. Интересно было посмотреть, каким стал наш город. И мне вдвойне радостно, что музыкальная жизнь в Чите процветает и развивается. Свои первые шаги я сделал в коллективе художественной самодеятельности клуба железнодорожников. Мы тогда тоже проводили всевозможные смотры. Но нам негде было учиться профессиональному мастерству. Сейчас в области десятки музыкальных школ, солидные музыкальные и культурно-просветительные училища. Это хорошо. Вот бы приехать к вам в другой раз, а здесь уже консерватория. Любите музыку, мои юные друзья! Любите музыку всегда, она — неотъемлемая часть жизни нашего народа. Желаю вам успехов в смотре-конкурсе! Это тоже школа для музыкантов. И сам я надеюсь кое-чему поучиться и у вас.

Оркестр закончил выступление. Композитор обнял дирижера, принял букет живых цветов и стал раздавать их музыкантам.

— Молодцы, ребята, хорошо.

— Можно ли хоть в какой-то мере отметить профессиональное исполнение? — спросил я Николая Павловича.

— Вполне, — ответил он. Потом подумал и, улыбнувшись, добавил: — Не в какой-то, а в самой большой.

В колесном цехе по просьбе рабочих высвободил подаренную балалайку из плена упаковки, ласково потенькал большим пальцем по струнам, настраивая, и вдруг рванул рассыпчатую задорную трель. Похожая прозвучит чуть позже в авторском концерте, но уже в исполнении на домре солистом Государственного русского академического оркестра имени Н. Осипова Александром Цыганковым.

Для многих земляков Николай Павлович прежде всего талантливый музыкант-самородок. Это, конечно, так. Но главное — он композитор, причем композитор-новатор.

Некогда прославленный и несколько забытый музыкальный инструмент скоморохов домру, вторую жизнь которой дал знаменитый музыкант В. Андреев, Н. Будашкин поднял на более высокую ступень. Он написал трехчастный концерт для домры с оркестром, в котором использовал русские народные песенные темы. Концерт нашел дорогу к сердцам слушателей не только нашей страны, но и за рубежом. С тех пор (третья часть была написана в 1948 году) по примеру Н. Будашкина многие советские композиторы стали писать для домры рапсодии, сонаты.

Одним из первых Николай Павлович внес в русскую инструментальную музыку элементы симфонизма.

На здании кузнечного цеха ПВРЗ прикреплен памятный доска: «Здесь работал кузнецом Николай Павлович Будашкин. Ныне композитор, лауреат Государственных премий, профессор».

Многое, конечно, изменилось здесь с тех пор, как Будашкин последний раз вышел из дверей родного цеха.

Остались только некоторые старые станки — для памяти. Остался запах огня.

Николай Павлович прошел в дальний угол цеха, где когда-то стояла его наковальня. Долго смотрел на бушующее в печи пламя. Потом попросил у рабочего рукавицы, взял щипцами раскаленную заготовку из печи и уверенно ударил по ней молотком.

«Сочинительство взяло верх, — вспомнил я слова Будашкина, — но профессию рабочего и профессию композитора я считаю родственными. Как из куска железа выковывается деталь, так из хаоса звуков создается прекрасная музыка».

Семьдесят пять лет горит огонь в горнах завода. Не гаснет он и в душе его бывшего рабочего.

Ю. КУРЦ.